

Натали Лавру

ФОРТОЧНИЦА

УДК 82-3
ББК 84-4
Л13

Л13 **Лавру Н.**
Форточница / Натали Лавру – М.: Литнет, 2025. – 304 с.

ISBN 978-5-521-93475-1

Это был идеальный план: залезть в чужую квартиру, когда в ней никого нет, и пожить... Но вот замок парадной двери щёлкнул, я юркнула в окно. Не тут-то было! Треклятые конфеты в карманах помешали мне выскользнуть обратно в форточку, и я попалась. Меня схватили прямо за... за это самое место! Кто бы мог подумать, что для меня, малолетней воровки-форточницы, с этого дня начнётся большая любовь?



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93475-1

© Литнет, 2025
© Н. Лавру, 2025

Пролог. Бесславное начало моей истории

Вы любите ходить в гости? Разглядывать разные вещички, мечтать, что это милое кресло-качалка твоё, а на этой кухне ты каждый день обедаешь...

Побывать в гостях – это как попасть внутрь каталога интерьеров. Потрогать можно, но, как в магазине, всё дорого и не твоё.

Я вот люблю бывать в чужих домах. Когда была маленькая, часто ходила к подружкам в гости. Самое любимое – пить чай с вкусняшками. Конфеты, игрушки, смех – всё то, чего не бывало у меня дома.

А сейчас... Сейчас меня никто не зовёт в гости, поэтому я навещаю вас без приглашения, когда вас нет дома. Я – воровка-форточница. И если вы забыли закрыть окно – тогда я иду к вам!

В далёком полузабытом детстве у меня были мама и папа.

Папа Саша умер от рака лёгких, когда мне было пять, а мама Ира всё время плакала и говорила, что не хочет так жить.

Однажды мама Ира приютила дома бомжа, сказала, что ей невыносимо одной, и дядя Саша будет мне вместо папы. Даже отчество менять не придётся.

Вместе с дядей Сашей в нашем доме появились стеклянные бутылки: зелёные, коричневые, белые. Сожитель научил маму курить красную «Приму», и с тех пор у нас дома стало плохо пахнуть.

Мама дымила прямо дома, даже когда готовила еду или смотрела телевизор. Я так и запомнила её: с вечно тлеющей сигаретой в губах и стаканом в руке.

Однажды я случайно смахнула со стола зелёную бутылку. Та упала и разбилась. Содержимое разбрызгалось по полу.

– Ах ты дрянь ты такая! – завизжала мама Ира.

Она подобрала с пола стеклянную розочку от разбитой бутылки и бросилась на меня. От непоправимого её удержал дядя Саша.

– Уймись, дура! – гаркнул на неё он и отнял розочку.

Я стояла в дверях кухни в оцепенении. Только что мама хотела меня убить. Значит, мама меня не любит. Я ей не нужна. Маме дороже бутылка.

Мне было десять. Сделанные выводы шокировали меня. Пришло первое осознание, что до меня никому нет дела. У моих одноклассников есть любящие родители, а моя мама почему-то меня не любит.

Наутро мама протрезвела и была неправдоподобно добренькой. Она даже позвала меня с собой в ларёк, а я с опаской, но всё же согласилась. Может, мама на самом деле меня любит, а вчера она просто перенервничала?

В ларьке она взяла блок «Примы», бутылку «Балтики» и Чупа-чупс для меня.

– Не хватает двух рублей, – сказала маме продавщица, когда посчитала деньги.

Мама бросила на меня мимолётный мутный взгляд.

– Тогда Чупа-чупса не надо, – ответила она продавщице.

На глазах у меня выступили слёзы.

– Чего уставилась? – сказала мне мама. – Сладкое вредно для зубов. Потом ещё води тебя к зубному... Перетопчешься. Поешь варёных рожков дома.

С этого дня я перестала любить маму. Не то чтобы совсем, но я больше не пыталась подойти и обнять её, не рассказывала, как дела в школе. Что ей до моих четвёрок и оторванных подошв на изношенных кроссовках?

Мне было около десяти, когда родители стали запрещать подружкам дружить со мной. В школе одноклассники объявили мне бойкот, потому что я «из плохой семьи».

Я не понимала, чем их оскорбляют мои небрежно заштопанные на коленях и пятках колготки. Но раз со мной не хотят дружить – что ж, я как-нибудь сама.

Однако по ночам мне снились уютные, вкусно пахнущие квартиры моих бывших подружек. И конфеты! В снах я запускала руки в вазы со сладостями и рассовывала вкусняшки по карманам.

Увы, утром я неизменно просыпалась с пустыми карманами...

Вместо сладостей я открыла для себя сухое молоко. Как-то мама притащила два пакета, но так и не использовала, потому что ей лень было делать из сухого молока жидкое.

А для меня белый молочный порошок превратился в угощение. Я зачерпывала его ложкой, засовывала в рот и медленно рассасывала. Слюна наполнялась мягким сливочным вкусом, от белой массы на ложечке медленно отваливались маленькие комочки, и я смаковала их. Чем не конфеты? Знай себе запивай тёплой водичкой. И, главное, этих двух пакетов мне хватит надолго, если экономить.

Несколько лет мама меняла одну работу за другой, но отовсюду её выгоняли. Любые траты мне на одежду или школьные принадлежности выливались в скандалы. Мама почему-то во всём винила меня.

После очередного увольнения мама вернулась домой с опухши-

ми сильнее обычного глазами, двумя бутылками бормотухи и пакетом рожков.

Мама Ира накричала на своего сожителя, что он не работает и только пролёживает кости на матрасе (раньше на его месте стоял диван, но мама продала его, когда у нас совсем не было денег).

– Дя Са, – так я звала его, – не давай маме больше пить...

– Хех! – крикнул он. – Смешная ты, Наталка. Как не пить-то, если жизнь такая!

До меня, пятиклассницы, дома никому не было дела. Мамка с горя залпом выпила пойло до дна, потом включила на кухне чёрно-белый телевизор и уснула прямо за столом.

Я потушила дымящуюся в её пальцах сигарету и выключила ящик. Так случалось почти каждый день. Я уже привыкла. Но временами я всё ещё по-детски мечтала о нормальной любящей семье.

Когда мне исполнилось четырнадцать, мама Ира умерла.

Я собиралась в школу и по привычке попыталась растормошить маму. Её тело оказалось твёрдым. Из рта мамы выползла муха и улетела прочь.

– Мама? – зачем-то позвала я, а потом опомнилась и бросилась к лежащему рядом дядьке Саше. – Дя Са! Дя Са! Мама Ира умерла!

Тот неспешно потянулся и сказал:

– Эх, опять в бомжатнике мёрзнуть придётся...

– Дя Са... – захлюпала носом я. – Что делать-то?

– Чё-чё! – проворчал он. – Манатки соберу, помоюсь напоследок – и в путь.

– А мне что? – сама не своя от подступающей паники, спросила я.

– А чего тебе? В детдом тебя сдадут. Пороть будут по поводу и без. У них не забалуешь. В восемнадцать выпнут вон. Кому ты там нужна взрослая?

– Я не хочу-у-у в детдом, – завывала я. – Дя Са! Помогии-и!

Глава 1. Конфетный криминал

Так я оказалась в бомжатнике. Забрала из дома пожитки в два мешка, оставила дверь квартиры открытой, чтобы маму обнаружили, и ушла за дядькой Сашей.

Местные называли бомжатник ласково: гнёздышко. Это был аварийный каменный дом сталинских времён. Окна в нём были забиты снаружи железными листами, а изнутри подоткнуты разной ветошью типа старых тулупов, штанов или пеньки.

Внутри гнёздышка было темно. Только на площадке первого этажа четверо мужчин в хламидах жгли костёр и варили в котелке похлёбку.

Молодых, кроме меня, в гнёздышке не было. Зато дядьку Сашку бомжи приветствовали, как родного. Наверное, поэтому мне дали место в одной из самых тёплых хат на втором этаже.

Нашими с дядькой Сашкой соседями были Нинок – женщина неопределённого возраста, и деда Вася – сухонький тихий старичок. Оба беззубые и улыбчивые, вонючие, но добрые. Они, в отличие маминого бывшего сожителя, мне понравились.

Раз в два дня мы маленькой стайкой ходили в соседний, ещё жилой дом, чтобы помыться и постираться у бабы Нюры. Старушка была полуслепая и больная, и из жалости пускала нас к себе. Взамен на услугу мы прибирались у неё дома и варили ей молочную кашу. Жаль, конфет у бедной старушки не бывало.

С того дня, как умерла мама Ира, я бросила школу. Иначе меня нашли бы и отправили в самое страшное место на земле – детский дом.

Почему-то я безоговорочно верила дядьке Сашке, что меня бы там били и унижали. Навидалась я в школе насмешек из-за моей поношенной одежды. Знаю...

Зато к новой жизни я привыкла быстро: еду мы всей честной компанией караулили на заднем дворе магазина «Родина». Продавцы нас уже знали и отдавали всю просрочку нам.

Дядька Саша всю строил глазки толстой продавщице и делал ей комплименты. Она хоть и воротила от него нос, но всё равно улыбалась.

Однажды неподалёку от нашего гнёздышка выгорел дом. Тоже двухэтажный, сталинский. Дело было ночью. Всех жителей вовремя эвакуировали и развезли по ночлежкам. Полиция оцепила территорию и тоже уехала.

Я подумала: вдруг там не всё сгорело? Надо идти, пока другие стервятники не набежали.

Все окна на первом этаже оказались закрыты. Видимо, люди с первого этажа покидали жилища через двери. Сильнее всего горел второй этаж. В каждой квартире окна были нараспашку.

Я залезла по водосточной трубе в самую легкодоступную квартиру.

В платяном шкафу нашла целый склад одежды и возблагодарила небеса за щедрый дар. Затем я пробралась на кухню и в полусгоревшем кухонном гарнитуре нашла... целый пакет расплавленных слипшихся конфет! Да я буду обсасывать каждый фантик, лишь бы дольше чувствовать во рту сладкий вкус, пусть и с ароматом дыма и плавленого целлофана.

Сокровища уместились в три с половиной мешка. Я все их выкинула из окна, а затем спрыгнула сама. Всё прошло идеально гладко, как в рекламе лезвий для бритвы.

Так я стала самой богатой в гнёздышке. Новые, слегка подплавленные сапоги, тёплый пуховик с шапкой, ворох штанов, кофт и футболок и... вкусняшки!

Помимо пакета конфет, я забрала печенье, пару шоколадок из холодильника, пакет пельменей и мясо! Настоящее не тухлое замороженное мясо! Это был самый счастливый день на моей памяти. Мы пировали всем гнёздышком.

И пускай вещи были мне велики на три размера, я берегла их и надевала только на прогулки. Это была моя маскировка, чтобы прохожие не догадались, что я бродяжка, и не вызвали полицию.

А ещё есть опасность попасться бродяжным барыгам. Это те, кто заставляет незащищённых бомжей просить милостыню, а потом всё отбирает. Бизнес такой. Правда, я с такими пока не сталкивалась. Это мне соседка Нинок рассказала.

Зима в этот год выдалась лютая. Наше гнёздышко промёрзло насквозь, и чтобы не окочуриться во сне, мы устроили общую лежанку и спали вчетвером. Воняло от моих не слишком чистоплотных соседей крепко, но между вонью и холодом я без колебаний выбрала первое.

Нинок и деда Вася, привычные ко всему, захрапели сразу, как только легли, а я всё не могла принять удобную позу.

Дядька Сашка за моей спиной тоже не спал. Я почувствовала, как его ладонь ребром проехала мне между ягодиц.

— Эй! — прошипела я.

— Эх, хороша! — прошептал мне в ухо дядька.

— Руки убери от меня!

— Да ладно тебе. Мамка-то твоя посговорчивее была. Хочешь, расскажу, что тебя дальше ждёт? — он не дождался ответа и продолжил. — Через год-другой сдашь свою крепость какому-нибудь мер-

завцу, который обрюхатит тебя и смоемся. Вот так-то. А я – мужик опытный, не обижу. Да и головастики у меня без хвостов, – и он плотнее прижался к моей спине.

Я ткнула дядьку Сашку локтем, что было сил. Он ойкнул, но не угомонился.

– Дура ты, – с поучительной интонацией зашептал он. – Я, может, тебя уму-разуму научить хочу. Пропадёшь ты, одна-то. Вот, мамка твоя плохо кончила. Хочешь так же?

– Отвали от меня, кобель вонючий! – громче, чем хотела, выпалила я.

Храп резко оборвался. Нинок проснулась.

– А ну руки убрал от ребёнка! – скомандовала она.

Дядька Сашка нехотя переключался на другой край лежанки, подальше от меня. Я ещё долго ворочалась, но под утро спасительный сон сморил меня.

Со смерти мамы Иры прошло два года.

Чем старше я становилась, тем больше росло моё мастерство ползанья по чужим квартирам.

Днём я ходила по дворам и искала дома с карнизами, где можно забраться в квартиру по стене, пожарной лестнице или водосточной трубе. Второй этап – наблюдение. Обычно я забиралась на чердак соседнего от цели дома и наблюдала за жильцами через вентиляционные окошки.

Благо, чердаки в жилых домах редко закрывались. Чаще всего скобы чердачного люка обматывались проволокой или на них висел ржавый и давно сломанный замок для вида.

Я находила временно пустующие квартиры, в которых хозяева забыли закрыть форточки. Форточки – это мой хлеб. Ибо евроокна, коварные такие, не поддаются открыванию извне.